

УДК 1(091); 165.9
ББК 87.3(2); 87.25

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ 50–60-х ГОДОВ¹

ТИМОФЕЙ ИВАНОВИЧ РАЙНОВ

Части первая и вторая

Подготовка к публикации С.С. Илизарова и В.А. Куприянова

SKETCHES ON THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE 50-60S

TIMOFEY IVANOVICH RAINOV

Parts one and two

Prepared for publication by S.S. Iizarov and V.A. Kupriyanov

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.2.059-068

Посвящается Евгении Борисовне Беньямович

1. Введение

«Господи, твоя воля! да кто же в русском обществе думает о философских вопросах...» – восклицал в 1860 году Чернышевский². «На самом деле – вторил ему, в том же году, Страхов, – кто занимается философией, кто уважает ее? Не сделалась ли она посмешищем для толпы, не считает ли каждый своим долгом отпустить несколько шуток насчет ее и показать, что и он также умен, что считает философию вздором...»³. «Грустно сказать, а должно признаться: мы слишком непривычны к требованиям философской мысли» – свидетельствовал и Хомяков в 1859 году⁴. «Прилично писать о философии для нас дело новое» – соглашается и Писарев в 1861 году⁵.

И признание общественной непопулярности философии, и грусть по этому поводу, и сознание необходимости «прилично писать о философии» – все

---

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00366 и проект № 20-011-00071).

² Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 6. СПб.: Типография и Литография В.А. Тиханова, 1906. С. 204.

³ Страхов Н.Н. О значении Гегелевской философии в настоящее время // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1895. С. 4.

⁴ Хомяков А.С. О современных явлениях в области философии. Письмо к Ю.Ф. Самарину // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. в 8 т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. С. 288.

⁵ Писарев Д.И. Схоластика XIX в. // Писарев Д.И. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1894. С. 363 (У Райнова неверно указан 1904 год издания – прим. ред.).

это характерно для эпохи зачинающейся свободной философской мысли. Действительно, 50–60-е годы могут быть названы началом истории философии в России. Были у нас писатели по философским вопросам и до того. Но это были редкие, редчайшие единицы, деятельность которых, замкнутая в очень тесном кругу передовой интеллигенции, не создавала даже иллюзии того, что в России существует, в общественно признанной форме, и это проявление мысли.

Галич, Велланский, Павлов, Одоевский и немногие другие мыслители первой половины XIX века были только эксцентричностями, не вызванными духовными потребностями русской среды и не находившими в ней никакого отклика. И только в 50–60 годах число этих эксцентричностей умножилось настолько, а круг людей, заинтересованных ими, расширился до такой степени, что философская деятельность стала у нас впервые более или менее заметной функцией общественного сознания. Скучны были первые проявления этой функции, да и развивалась она медленно, протекая среди взаимного недовольства писателей и читателей. Но само это недовольство было признаком того, что философское мышление сделалось общественною потребностью, к удовлетворению которой все растущие и растущие круги именно потому и не могли относиться равнодушно.

Несмотря на недовольство мыслителей 50–60 гг. равнодушием русского общества к философии, они все же пользовались его вниманием и часто – сочувствием. Ярким проявлением этого сочувствия был, например, диспут в Петербургском университете, в 1855 году, при защите Чернышевским его диссертации: «Об эстетических отношениях искусства к действительности». «Небольшая аудитория, отведенная для диспута – вспоминал впоследствии Шелгунов – была битком набита слушателями. Тут были и студенты, но, кажется, было больше посторонних, офицеров и статской молодежи. Тесно было очень, так что слушатели стояли на окнах». Идеи и защита Чернышевского вызвали восторг многочисленной и пестрой аудитории. «Это была, продолжает Шелгунов, целая проповедь гуманизма, целое откровение любви к человечеству, на служение которому призывалось искусство. Вот в чем заключалась влекущая сила этого нового слова, приведшего в восторг всех, кто был на диспуте...»⁶. Несколько позже, в 1860 году, такое же общественное одобрение вызвало выступление Лаврова, прочитавшего в Пассаже три лекции о «современном значении философии». «На лекции Лаврова, рассказывает современник, г. Пантелеев, собралась публика двух сортов: одни, уже знавшие Лаврова и весьма его ценившие, другие, и притом большинство, – послушать офицера, который будет читать о философии. Лекции Лаврова имели вполне заслуженный успех»⁷, о чем свидетельствует с большими потребностями и другая современница и слушательница Лаврова, гр. Штакеншнейдер⁸. Такова была обстановка общественного сочувствия, в которой философствовали мыслители 50–60 годов. Как

⁶ Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего // Шелгунов Н.В. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1904. С. 685–7. (Цитируемая Райновым фраза находится на С. 687 – прим. ред.).

⁷ Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1905. С. 167.

⁸ Из записок Е.А. Штакеншнейдер. 1858 г. // Русский Вестник. 1901. Т. 273. Май. С. 124. (В тексте неверно указаны страницы 416–419 – прим. ред.).

поощрительно она влияла на них видно из того, что эпоха великих реформ была временем наибольшего расцвета деятельности этих мыслителей. Дух времени разверз уста одним из них, дав им возможность высказать идеи, давно выработанные, но не находившие себе доступа в печать, по цензурным и иным условиям; он дал возможность сложиться идеям других, более молодых, и порадовал их общественным сочувствием и некоторою популярностью, которую они потеряли, вместе с упадком их собственного философского творчества, когда миновались 50–60 годы и настали иные времена, иные люди.

К числу первых, представителей старшего поколения 50–60 гг., «отцов» этого времени принадлежали Карпов, Новицкий, Гогоцкий, Киреевский, Хомяков и др. Почтенный переводчик «творений» Платона, Карпов до 50-х годов проявлял весьма слабую философскую плодовитость и, кроме переводов Платона, ограничился только одним небольшим сочинением оригинального характера, да и то был учебник введения в философию. В 50-х годах он, наконец, выступил с капитальным сочинением по логике и теории познания – «Систематическим изложением логики» (1856), в котором его взгляды получили подробное развитие. Тогдашняя общественная «весна» и была, очевидно, виновницей этого позднего цветения. Таким же образом подействовала эта «весна» и на Новицкого, который до того занимался изучением и обличением раскола, дважды напечатал скучнейший и схоластичнейший курс логики и психологии, но лишь теперь нашел свое истинное призвание, – историка философии, правда, мало оригинального, но знающего и трудолюбивого: об этом свидетельствует его четырехтомное сочинение: «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований», вышедшее в 1860 году. Гогоцкий, тоже склонный, главным образом, к историко-философским занятиям, приурочил выпуск своего главного труда, многотомного философского словаря, к концу 50-х годов, тогда как основные его взгляды сложились еще в 40-х годах. Наконец, и славянофилы, мировоззрение которых вырабатывалось в кружковых спорах 30–40 годов, только теперь, в конце 50-х годов, получали возможность выступить с окончательным изложением своих философских идей. Основная в этом отношении статья Киреевского была напечатана в 1856 году, а посмертные «Отрывки» вышли в 1857 году. Соответствующие сочинения Хомякова относятся к периоду 1857–1860 гг. Эти ветераны русской философии 50–60 гг. как будто ждали смены тяжелого периода 40–50 гг. более благоприятными временами. Дожив до них и высказавши свои затаенные мысли, они исполнили свое историческое назначение – и сошли со сцены, кто раньше, кто позже, но все с чувством и мыслью: «Ныне отпускаеши раба твоего...». Их более молодые современники, пользовавшиеся гораздо большею популярностью, пережили их летами, но и для них периодом цветения были 50–60 гг. Это были Лавров, Чернышевский, Страхов, Юркевич, Троицкий, Владиславлев, Добролюбов, Писарев и др. Главные их философские сочинения относятся почти исключительно к 50–60 годам, когда их знали и более или менее справедливо ценили. Но настали другие времена – и они замолкли в философии, или их мышление получило резко-упадочный характер.

Лавров, например, почти оставил активные занятия философией, предавшись историческим занятиям и политике. Чернышевский, и до своей ссылки все дальше и дальше уходивший из философии в публицистику и политическую экономию, после этого несчастья, постигшего его в начале 60-х годов, и вовсе прервал свою философскую деятельность, если не считать его небольшой статьи по теории познания, относящейся к середине 80-х годов, но по своему содержанию характерной для его взглядов 60-х годов. Страхов, перейдя около конца 60-х годов от «антропологизма» к «почвенному» течению славянофильства, потерял и свое остроумие, и смелость мысли, столь свойственные ему в 50–60 годах; а с тем вместе, и его обширные естественно-научные знания, питавшие в те годы его философскую мысль, остались почти без приложения в «донкихотском» (по выражению Михайловского) периоде его «борьбы с западом» и дружбы с Победоносцевым. Даровитый Юркевич почти весь высказался в периоде 50–60 годов, а после того прожил еще десятилетие, исполненное столько же философической «лени», сколько, быть может, и смутного сознания исполненной жизненной задачи: во всяком случае, в это время почти «ничего не вышло из пера его». Еще любопытнее судьба Троицкого. Выступив в 60-х годах с обширным критическим сочинением о «немецкой психологии в текущем столетии», посвященным, впрочем, больше истории и пропаганде методов английской эмпирической философии и психологии, Троицкий обнаружил не только солидное знакомство с предметом, но и большую энергию мысли и литературного выражения – в духе бесцеремонного слога полемистов того времени. Судя по этому, можно было бы ожидать, что философская деятельность Троицкого будет развиваться и впредь, в том же роде. Но в 70–80 гг. она обнаружила черты совершенно иного «рода». Мысль Троицкого перестала двигаться вперед. Он полюбил схемы и рамки схоластического мышления; слог его как-то окостенел, стал бездушным и неиндивидуальным. Несколько книг, выпущенных им в это время, таковы, что прочтение их является прямо подвигом. По поводу одной из них, особенно мертвой и мертвящей, Страхов, узнав, что Вл. Соловьев прочел ее всю, остроумно заметил, что теперь-то он убедился, что Соловьев аскет, и рекомендовал ее чтение молодым людям для обуздания страстей⁹. Оторвавшись от взрастившей его среды 50–60 годов, Троицкий, как и большинство его философских современников, оказался философски «конченным» человеком. Писарев и Добролюбов жили и умерли в эпоху великих реформ. Владиславлев, Потемня и Антонович кажутся исключениями из этого правила о связи мыслителей 50–60 гг. с общею духовною жизнью этой эпохи. Но, в сущности, и на их деятельности лежит печать последней. Наибольшего размаха она достигла и у них именно в 60-х годах, которые были определяющими для всего последующего хода их мышления. Философские и психологические идеи Владиславлева, изложенные в его книгах 60-х годов о душе и о философии Плотина, сохранились в почти неизменном виде до конца его жизни. Глубокомысленные исследования Потемни о соотношении мысли и

⁹ Соловьев В.С. Три характеристики // Соловьев В.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. СПб.: Книгоиздат. тов-ство «Просвещение», 1913. С. 382. (Точная ссылка восстановлена нами – прим. ред.).

языка, опубликованные в 1862 году, послужили основой для его последующих трудов в области психологической лингвистики, синтаксиса и психологии творчества, причем упомянутый труд его молодости никогда не был превзойден им впоследствии, в смысле широты и глубины содержания. Деятельность Антоновича, продолжавшаяся и после 60-х годов, выливаясь в форме, раз навсегда определенные его взглядами и симпатиями 60-х годов, которые он пронес до начала XX века почти невредимыми.

Короче, если у людей 50–60 гг. были свои философские запросы, более или менее стойкие, то для их удовлетворения, впервые в эти годы, существовала группа мыслителей, вся деятельность которых, приуроченная так или иначе, к эпохе великих реформ, образует явственно отграниченный и характерный период в истории русской философии XIX века, – период в известном смысле начальный, исходный для всей последующей русской философии.

В нижеследующих очерках мы проследим, как и в чем сказывались особенности этого периода в психологии и содержании философского мышления главных представителей нашей философии 50–60 гг., и постараемся выяснить конкретный характер связей, соединивших этих мыслителей с общим духом их времени.

2. Социологический тип русской философской группы 50–60 гг.

Строение русского общества XVIII–XIX вв. представляло своего рода социологический парадокс. С одной стороны, оно образовало довольно многочисленную массу, быстро возрастающую. Социологический анализ таких больших обществ, вообще говоря, приводит к заключению, что для их благополучного существования необходима более или менее глубокая «социальная дифференциация», то есть, дифференциация, на основе общественного разделения труда¹⁰.

А между тем, с другой стороны, русское общество очень долгое время отличалось как раз слабостью этой дифференциации. У нас долго не существовало общественных групп с точно отграниченными социальными функциями. Одни и те же группы выполняли одновременно несколько социальных отпращиваний, для культивировки которых, в более передовых обществах, необходимо несколько профессиональных групп. Таким образом, выходило как будто, что Россия представляет исключение из общего социологического правила о приблизительной пропорциональности между объемом общества и степенью его дифференциации. Конечно, это только парадокс. Фактическое несоответствие между этими социологическими «величинами» в России объясняется вмеша-

---

¹⁰ Имеем в виду классические исследования Зиммеля сперва в его *Ueber Sociale Differenzierung*, а позже, в расширенном виде, в его *Sociologie* (1908 г.). Сходные идеи развиты в сочинении Дюркгейма об общественном разделении труда. (Имеются в виду работы Георга Зиммеля «О социальной дифференциации. Социологические и психологические исследования» (1890), «Социология. Исследования о формах обобществления» (1908), а также работа Эмиля Дюркгейма «О разделении общественного труда» (1893). Все три работы, очевидно, были хорошо известны Райнову как участнику семинария А.С. Лаппо-Данилевского – прим. ред.).

тельством различных осложняющих условий, настолько видоизменяющих указанную зависимость, что для России получается видимость противоречия общему социологическому принципу. Не входя в анализ этих осложнителей, ограничимся здесь только признанием факта, что общественная дифференциация в России сильно отставала (и еще отстаёт) от численного объема русского общества, хотя с течением времени это несоответствие все уменьшалось и уменьшалось, являясь одним из главных факторов постепенной европеизации России. Особенно быстро пошел этот процесс социальной дифференциации, начиная с 50–60 годов. Разрушение основ крепостного хозяйства дало ему сильнейший толчок. Началось расслоение землевладельческого дворянства, сопряженное с «оскудением» одной его части и более или менее успешным приспособлением к новым хозяйственным условиям – другой. Такая же и даже еще дальше идущая дифференциация происходила и в крестьянской среде. В обоих этапах русского дореформенного общества накопилось таким образом множество людей без определенной роли и без средств к существованию. Волей-неволей, им приходилось оставлять привычные формы жизни и искать новых – на путях все возрастающего разделения общественного труда. К этому присоединялись и другие «катализаторы» или ускорители процесса социальной дифференциации, и под их сочетанным действием расслоение русского общества шло все быстрее и глубже. Упомянутый «парадокс» социологического строения России с течением времени все больше и больше затухал, хотя и не исчезал совершенно. Во всяком случае, вторая половина XIX века была для него эпохой постепенного упразднения. Чем дальше от 50–60 годов, тем глубже дифференцировалось наше общество. Для удовлетворения наиболее настоятельных общественных потребностей, в нем обособлялись отдельные социально-профессиональные группы, деятельность которых принимала все более и более специальный характер, исключавший совмещение нескольких общественно различных функций в одних руках.

Однако, в 50–60 гг. этот процесс дифференциации не пошел еще так далеко. Притом, люди, деятельностью которых заполнена эпоха великих реформ, складывались под влиянием общественных условий предшествовавших десятилетий, в смысле социальной дифференциации еще более отсталых, чем период 50–60 годов. Этот последний, вместе с новыми условиями социологического быта, присущими ему, начал влиять на духовный склад русских людей гораздо позже, в 70–90 годах. На современников же он оказал сравнительно слабое действие. Их духовный тип получил, таким образом, переходный характер. Это – тип, отвечающий обществу с слабым трудовым расслоением, испытывавшему, однако, и действие новых дифференцирующих условий. Деятели 50–60 годов – это люди, выполняющие одновременно несколько общественных функций, между которыми они и делят свои силы, чувствуя притом, что этих сил, порою незаурядных, уже не хватает для сколько-нибудь нормального отправления всех функций, и невольно склоняясь больше то к одним, то к другим из них. С течением времени, это «чувство» – у них и их ближайших преемников – нарастало все больше и больше, вступая в конфликт с другим порядком чувств, более старых и выросших на основе более разностороннего типа деятельности,

который импонировал своею широтою и размахом. Этот конфликт был психологической конвою для популярных в 70-х годах рассуждений Михайловского о различии и сравнительной ценности «типов» и «степеней» общественной дифференциации. Но это была запоздавшая защита программного дела. Вместе с ростом общественной дифференциации «широкие» натуры становились все менее уместными, и на первый план общественной жизни все чаще выбивались натуры «узкие». Напрасно осуждали их разные сознательные и бессознательные романтики дореформенного быта, именуя их «Колупаевыми» и «Разуваевыми», «хаммами», «мещанами» и т.д., – жизнь брала и берет свое, и «широкая русская натура», все еще не переводящаяся в пестром и парадоксальном обиходе русской жизни, обещает сделаться в недалеком, может быть, будущем археологической редкостью.

А пока во всех областях русской жизни второй половины XIX века – этот психологический тип, становясь все беднее и бледнее, продолжал все же играть не малую общественную роль. Он создал «великую русскую литературу» и сообщил ей черты своего духовного облика – широту, расторопность и смешение воедино различных социально-психологических функций. Русский роман классического периода – это все: и философия, и немного наука, и религия, и искусство, и политика, и мораль. А русский писатель того времени – и моралист, и публицист, и религиозный проповедник, и философ – и, делать нечего – художник: таковы крупные – Достоевский, и Л. Толстой, и таковы же, в меньшем масштабе, и многие другие. К концу XIX века этот тип, к огорчению одних и радости других, пошел на убыль. «Мельчает литература» – толковали первые, «очищается литература» – ликовали вторые – так или иначе констатируя несомненный факт социально-психологической эволюции.

То же самое происходило и в нашей философии второй половины XIX века. В 50–60-х годах она еще очень далека от понятия о «чистоте» специально-философского мышления. И только в конце столетия и в начале нового русская философия почувствовала потребность в самоопределении, автономности мышления и специальной «чистоты» философских методов. А в промежулке между этими стадиями она все больше отходила от «старой» – манеры 50–60-х годов, приближаясь к «новой» конца 90-х и начала девятисотых годов. Эта эволюция была внешним выражением психологической эволюции, которую испытал тип русского философа, начиная с 50–60-х годов. Разносторонний дилетант–философ эпохи великих реформ постепенно уступал место прозаическому специалисту, для которого философия и философствования не праздник свободной игры чувств и воображения, а черный и мучительный труд восприятия и методической переработки сложнейшего материала современной духовной культуры для построения цельного мирозерцания. Впрочем, и в настоящее время этот тип далеко еще не вытеснил традиционного типа русского «разностороннего» и дилетантствующего философа...

В 50–60-х годах этот последний был на высоте своего развития и блеска.

Перебирая мыслителей того времени поодиночке, мы встречаем среди них очень мало специалистов, да и те далеко не ограничиваются своею специ-

альностью. На всех лежит печать времени и соответствующего ему типа личности.

Возьмем сперва не специалистов. Их – большинство, даже подавляющее большинство. Один из самых видных среди них – Чернышевский, автор философской диссертации и нескольких статей философского содержания. Но он в то же время и художественный критик, и ученый экономист, и романист, и публицист-политик. В этом разнообразии занятий философии далеко не стояла на первом месте, и начав свою ученую деятельность с философской диссертации, Чернышевский, после 1860–1861 года, все больше склонялся к политической экономии и политике, не оставляя, впрочем, и философии. Дальше – Страхов, натуралист, автор диссертации анатомического содержания, художественный критик и славянофильствующий публицист, – а среди всего этого и философ, и опять философ такого рода, что философия для него не была главной страстью, и он оставлял ее порою на многие годы, чувствуя себя одинаково хорошо и в роли хлесткого публициста Косицы (псевдоним Страхова), и в качестве друга или единомышленника Победоносцева и Л. Толстого, и в качестве знатока и поклонника естествознания и философии Гегеля, а потом неокантианцев. Какой размах, – и какой, при всем том, литературный блеск, злость и остроумие речи и, порою, ослепительная смелость мысли и выражения. Вот, Лавров, артиллерист–теоретик, полковник и одно время комендант Нарвской крепости, немного художественный критик, автор политических стихов и толстых книг по истории мысли, публицист и политик–социалист, редактор нелегального журнала «Вперед» и лидер левых русских эмигрантов – и опять философ с широчайшими планами, на выполнение которых у него никогда не хватало времени, а может быть и таланта. Изумительный, по трудолюбию и разносторонности знаний человек, но – замечательный в особенности тем, что от него отказываются все, отсылая к другим: философы считают его ученым историком, историки охотно уступают его философам и политикам, тогда как последние видят в нем дарования историка и философа. Что-то еще скажут о нем ученые артиллеристы... Шаг дальше – и мы среди славянофилов, специальность которых так же трудно определить, как и сказать, чем они не занимались. Поэзия, публицистика, философия, сельское хозяйство, машиностроительное искусство, дело греческого освобождения, всеобщая и русская история – таково пестрое *curriculum vitae* Хомякова, а в учено-литературный формуляр Киреевского входит немногим меньше. И все это, или очень многое, по компетентному и справедливому суждению историка Соловьева¹¹, проникнуто у них, как и у большинства других славянофилов, духом самого определенного и поверхностного дилетантизма. Меньшее отношение к философии имели Добролюбов, Антонович и Писарев, художественные критики и публицисты, не упускавшие, впрочем, повода вдаваться в философию, в которой они чувствовали себя тем легче и непринужденнее, чем меньше были связаны ка-

---

¹¹ См. его воспоминания. (Райнов имеет в виду следующее издание: Соловьев С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева: мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Петроград: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. – прим. ред.)

ким-либо определенным методом и традицией. – Особняком стоят здесь философирующие ученые 60-х годов, из которых значительнее других были Потебня и Сеченов. Главную областью их деятельности была наука, а философии они касались, как мыслящие и притом первоклассные ученые – один в филологии, другой – в физиологии. Но широта и разносторонность интересов свойственна и им не менее, чем остальным их современникам 60-х годов. Потебня был не только филологом, но и этнографом, не только ученым, но и немного поэтом, о чем свидетельствует, между прочим, оставленный им стихотворный, на украинском языке, перевод Гомера. Сеченов расширил свои знания в области физиологии нервной системы до того, что они почти слились с психологией, которую знаменитый наш ученый трактовал настолько материалистически, что соответствующие его очерки были названы одним современником «катехизисом материализма» в России.

Таков был тип «разностороннего» философа неспециалиста. С соответствующими отличиями, ту же широту натур, «не вмещаемых в рамки узкие» чисто философских «начал», встречаем и у специалистов-философов. Новицкий не ограничивался философией, а еще изучал и обличал раскол. В философии он интересовался и собственно философскими, и – в особенности – историко-философскими вопросами, а также заботился о согласовании философского разума с церковною верою в духе православного катехизиса Филарета. Юркевич, помимо философии, занимался еще педагогикой в узком смысле, а также педагогикой как бы социальной, выражавшейся в его склонности к ожесточенной и темпераментной полемике с «нигилистами», от которых он старался предостеречь и оберечь своих современников. У Троицкого был, по видимому, незаурядный талант фельетониста, – судя, по крайней мере по тому, как живо умел он излагать мысли, сами по себе крайне сухие и – в духе английского эмпиризма, которому он следовал – несколько «флегматичные», – и еще по тому, с какою легкостью и бесцеремонностью обращался он с инакомыслящими, например, с Кантом, в философии которого находил почти лишь «сплошной ряд заблуждений», или с его идеалистическими преемниками, взгляды которых, по его мнению, переходят «в патентованную чепуху»¹².

Таковы были люди, – широкие, разносторонние и импульсивные. Не вполне дифференцированная, их философская мысль не имела и специальных органов для выражения чисто философских идей. Обычно мыслители 50–60-х годов печатались в общих журналах, гостеприимно открывавших для них свои страницы, на которых находила себе отражения чуть ли не вся энциклопедия знаний и искусств, вместе с модами. Конечно, при этом приходилось особенно заботиться о популярности речи, и потому у мыслителей 50–60-х годов не заметно выработанного технического философского языка, и они стараются выражать философские идеи общелитературным языком. А так как читатели толстых журналов не очень привыкли к систематическому развитию серьезных

---

¹² Троицкий М.М. Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование. С предварительным очерком успехов психологии со времени Бэкона и Локка. М.: Тип-фия Рис, 1867. С. 425. С. 631.

философских тем, философствующие писатели 50–60-х годов разнообразят свое изложение полемическими и иными отступлениями, порою запутывающими и затемняющими ход и выражение их мысли. Особенно заметно это в статьях Чернышевского, Страхова, Антоновича и Писарева. Но не чужды этой манере и такие «академические» писатели, как Юркевич и Троицкий.

Не образуя специально-отграниченной общественной группы, мыслители 50–60 годов не имеют каких-либо профессиональных организаций. Каждый действует сам по себе, сталкиваясь с другими только в общелитературных организациях, вроде Литературного Фонда. Впрочем, они не могли не замечать друг друга и, очевидно, чувствуя потребность в некотором философском общении, охотно вступали во взаимную полемику. Таких философских распрей было в 50–60 гг. не мало. Особенно большой шум подняло философское столкновение Юркевича с Чернышевским, на которое отозвались и другие мыслящие современники. Полемизировали между собою и с другими и Антонович, Лавров, Страхов и Писарев, а академические преподаватели философии реагировали на сочинения друг друга более или менее серьезными журнальными разборами (Владиславлев и Гогоцкий о Троицком, Троицкий о Владиславлеве и др.). Эта полемика, порою весьма оживленная, далеко не оставалась в границах чистой философии. В ней сводили и общелитературные, и общегражданские счеты, и особенно любили всякого рода обличения с вытекающими из них нравочениями общественно-политического характера. Поэтому, читателям, ждавшим от полемики, прежде всего, принципиально-философских поучений, она приносила много разочарований и мало пользы. Жалобы на то, что философии в 50–60 годах приходилось учиться в одиночку, без чужой помощи или деловой критики, встречаются в тогдашней и позднейшей литературе довольно часто. Так, выпуская в 1870 году свои «Исторические письма» отдельным изданием, Лавров сетовал: «Очень желал бы я сделать в этом труде более существенные исправления, но в этом отношении наша критика нисколько не помогла мне»¹³. Вспоминая о ходе своего философского развития, начиная с 50–60 гг, Дебольский тоже констатировал это: «весь ход моего философского развития совершился вполне самостоятельно, без какого либо пособия со стороны: без пособия со стороны предварительного образования, вдали от влияния какого бы то ни было философского кружка, без малейшего содействия со стороны научной и литературной критики...»¹⁴. Все это – следствие недифференцированности и неорганизованного проявлений философской мысли 50–60-х годов.

¹³ Лавров П.Л. Исторические письма. СПб: Тип-фия Клобукова, 1905. С. 4 (У Райнова неверно указаны с. 2–3 – прим. ред.).

¹⁴ Дебольский Н.Г. Философия будущего. Философия будущего. СПб.: Тип. (бывш.) А.М. Котомина, 1882. С. 1.